

Вздохнув, Ослан бросил еще один камень и увидел, как он с грохотом покатился по склону холма. В такие моменты он очень скучал по этим двум идиотам. На Спикерооге ничего не произошло. Лишь изредка моряки просили его убрать с их судоходного пути гнездо сирен или утопителей.

Андрик и Козин, они бы, наверное, волосы на себе рвали от досады. Где все опасные контракты? Захватывающие и кровожадные монстры? Честно говоря, Ослана беспокоило не это.

Раньше он был в деревне — Сворлаге, если он правильно помнит. Он пришел туда не искать работу, а скорее дать отдых ногам. Его коня пропало, отданное Козину после того, как черноволосый ведьмак потерял его в Койле-на-Драйохте. Сворлаг был маленьким, но оживленным оазисом бурлящей жизни на мрачном острове. Ослан сознательно избегал таверн и гостиниц — он еще не был готов снова оказаться в окружении людей. Бочка на пустом причале оказалась мирным местечком для измученного путешествиями ведьмака. Тишина была освежающей, а тихий плеск воды о галечный берег напомнил ему о доме. Рядом было всего два человека, и вскоре Ослан сосредоточил на них свое внимание. Они находились на несколько ярдов выше по берегу, но Ослан мог наблюдать за ними так же хорошо, как если бы они находились рядом с ним.

Это был мужчина и его сын. Отец учил ребенка, как правильно завязывать узлы для плавания. Он осторожно провел мальчика через прокладки и петли и похвалил его, когда тот наконец завязал узел. Ослан наблюдал за ними, его брови слегка нахмурились.

До сих пор он не осознавал эту часть себя. Козин и Андрик всегда были рядом, чтобы поднять ему настроение, отвлечь его от того, что он чувствовал на самом деле. Но теперь этого нельзя было отрицать. Он никогда этого не хотел. Он никогда не просил, чтобы его бросили на остров. Он никогда не просил, чтобы его затащили на эту скалу и превратили во что-то, что никогда больше не сможет стать нормальным.

Но опять же, ни один ведьмак этого не сделал. Но, по крайней мере, Козин и Андрик получили привилегию и увидели, как родители передали их. Ослан никогда не видел своих родителей. Закон неожиданности обещал ему школу; новорожденного схватили, как только он сделал первый вдох.

Нормально — как такое безобидное слово могло показаться таким жестоким? Оно издевалось над ним, насмехаясь над тем, что было украдено у него еще до того, как он покинул утробу матери. И он никогда не сможет вернуть его, особенно тогда, когда он не может смотреть людям в глаза, не заставляя их отшатываться от него.

Ослан оторвал завистливый взгляд от отца и сына. Он встал, перекинул рюкзак через плечо и направился обратно в Сворлаг. Почти сразу же его встретил мужчина, подбежавший к нему с криком: «Ведмак! Пожалуйста, мне нужна твоя помощь!»

Скорбные мысли, которые бродили в голове Ослана, были отодвинуты на второй план. "В чем дело?"

«Это моя дочь», — сказал мужчина тихим от паники голосом. «Ее не видели с рассвета».

«Прошло чуть больше полудня», — отметил Ослан.

"Она ужасно застенчивая, никогда не отходит далеко от дома", - сказал мужчина. «Она сказала матери, что будет читать в сарае. Мы обыскали сарай, обыскали всю деревню! Ее забрали, мою

маленькую Арду!»

«Все будет хорошо», — успокоил Ослан. «Скажи мне, что ты можешь, и я верну ее. Кто мог ее забрать? Кто-нибудь здесь злится на тебя?»

«Нет, нет, все было не так. Ее забрали в Мелюзину! Я в этом уверен!»

"Кто это?"

Мужчина указал на тропу, ведущую из деревни в гору. «На другой стороне горы полно пещер», — объяснил он. «Люди говорят, что живет темная богиня. Она пикирует вниз, и последнее, что видит несчастный ублюдок, это ее черные крылья. Люди начали злиться от страха, а некоторые сумасшедшие завели привычку приносить в ее пещеры живые подношения, держи ее подальше от деревни. Вот куда ее забрали, ведьмак! Пожалуйста, я тебя умоляю! Не дай Мелюзине забрать мою Арду!»

— Успокойся, — сказал Ослан, поднимая глаза вверх по тропинке. «Мелюзина...»

— Что с ней?

«Я не эксперт в божественном, но я уверен, что богини не едят людей». Он быстро вспомнил то, что сказал ему этот человек. Большие крылья. И гнездилась она в приморской пещере. Он решил, что знает, что это за «богиня». «Я поднимусь на гору. Оставайся здесь и жди моего возвращения».

Путь в гору был долгим. Сворлаг уютно устроился у подножия горы, где море ласкало скалы. Ноги Ослана неустанно несли его вверх по восходящей тропе. Мешок с зельями и припасами подпрыгивал у него за спиной, пока он шел по неровной местности. Поднимаясь, он заметил взлохмаченную землю и перевернутые камешки, которые подсказали ему, что здесь недавно кто-то был.

До его ушей донесся свист ветра, пронесившегося по пещерам. Голоса. И кричащая девчонка. Ослан ускорил шаг. Он обошел большой валун и увидел их.

Тропа поворачивала внутрь к центру горы и внезапно заканчивалась утесом. На краю обрыва стояли трое мужчин. Один из них наклонился, привязывая веревки, которыми была привязана молодая девушка, к деревянному столбу. Двое других всматривались в группу пещер, усеивающих склон горы. «Мелюзина!» - крикнул один. «Мы приносим подношение, чтобы утолить ваш голод! Возьмите его и оставьте деревню в покое!»

Тот, кто связывал веревки, услышал приближение Ослана и заметил ведьмака. Он предупредил двоих других. Они все повернулись к нему лицом, их лица были холодными. «Эй, Кошачий Глаз! Оставьте нас заниматься своими делами! Это на благо деревни!»

«Вы все дураки!» Ослан зарычал в ответ. «Разве ты не видишь, что твоя Мелюзина — не что иное, как...» Из пещер доносился глубокий шорох и низкое рычание, эхом разносившееся по туннелям. Страх сменил враждебные выражения лиц людей, когда они смотрели на пещеры.

«Вот она! Она появляется! Черт возьми!» — проорал один из них своему парализованному товарищу, резко толкнув его. Они бросились бежать, проталкиваясь мимо Ослана, а ведьмак бросился вперед. Выхватив серебряный меч, он быстро перерезал веревки девушки кончиком клинка. Как только веревки ослабли и ее запястья освободились, Ослан увидел черную полосу, вылетевшую из пещеры. Он взлетел высоко в воздух, а затем замедлился, распахнув широкие

крылья и окутав тенью весь утес.

Арда с ужасом посмотрела на него. Ослан опустил глаза, вместо этого глядя на девушку. Это была уловка, которую часто использовали умные крылатые монстры — чтобы заставить человека посмотреть на них снизу вверх. Когда существо начинало атаку, оно складывало крылья и позволяло солнцу ослепить свою добычу.

Вместо этого он слушал, как Мелюзина кружила над головой, определяя свое местоположение в небе по хлопанию ветра о ее крыльях и ее тяжелому дыханию.

Ослан наклонился и поднял девушку. «Не смотри на это», — предупредил он ее. «Просто беги. Иди!» Он отступил в сторону, и Арда бросилась прочь. Он услышал шум ветра, когда Мелюзина быстро изменила свой курс. Было ясно, что она не собиралась упускать свое подношение. Другой рукой Ослан потянулся к арбалету на спине.

Раздался громкий грохот, когда Мелюзина приземлилась на дорожку, загораживая девушку. Расшатавшиеся обломки с грохотом посыпались по склону горы. Арда закричала. Когтистая рука ударила ее, но промахнулась, когда Ослан оттащил ее назад. Дернув девушку за спину, Ослан быстро поднял арбалет и выстрелил. Болт глубоко вонзился в плечо, и Мелюзина взвыла.

Теперь, когда они оказались практически лицом к лицу, подозрения Ослана подтвердились. Мелюзина была ехидной.

До сих пор он никогда не видел ехидну. Еще в школе ему сказали, что ехидны — это разновидность сирен. Когда его спросили, в чем разница между ними, мастер Бримир ответил: «Ехидна похожа на сирену, когда вы говорите ей, что ее сестра красивее».

Густая кровь стекала по бледному плечу Мелюзины. Она издала еще один визг и снова поднялась в воздух. Порыв ветра, который она оставила за собой, ударил Ослана, заставив его закрыть лицо. Он быстро пришел в себя и вытащил еще один болт из ремня на груди. «Держись рядом со мной», — сказал он Арде, отводя тетиву арбалета. Ей не нужно было повторять дважды и съезживаться за его спиной. Ослан смотрел на сверкающую воду вдалеке, слушая звуки полета Мелюзины. Она кружила над ними, ожидая, что девушка снова станет уязвимой.

Ослан закрыл глаза, позволяя своему дыханию стать долгим и медленным и напрягая уши. Он сосредоточился на звуке ее крыльев, расталкивающих воздух, рассчитывая время ее спиралей. Затем быстрым движением он поднял арбалет и выстрелил. Он услышал звук шнурка, рассекающий воздух болт и, наконец, звук удара плоти. Мелюзина вскрикнула от боли и начала спускаться. Она приземлилась на скалу, ее большой хвост сломал деревянный столб и сбил его с края. Ослан знал, что она пробудет в таком уязвимом состоянии всего несколько драгоценных секунд. Он подлетел к ней, в мгновение ока сократив расстояние между ними, и нанес глубокий удар по ее ключицам своим серебряным мечом. Ее яростный крик пронзил его уши. Он, не теряя времени, ударил наверху своего оружия о ее плоскую морду, похожую на летучую мышь.

Ехидна невероятно быстро отскочила от удара и ударила ведьмака длинными когтями на конце крыла. Ослан поднял клинок и быстро парировал удар, отбросив ее когти назад. В мгновение ока он вонзил клинок ей в туловище.

Мелюзина отстранилась, освобождая свое тело от горящего серебра, и вернулась в воздух. Ослану удалось нанести ей несколько хороших ран, но она не показывала никаких признаков усталости. Арбалет вернулся в руки ведьмака. Еще несколько раундов, и ехидна должна была

стать достаточно слабой, чтобы наконец убить.

Но Мезулин училась. Она не собиралась давать Ослану еще один шанс с арбалетом. Она быстро нырнула перед ними двумя и взмахом крыльев обрушила на них мощный поток ветра. Ослан собрался с духом настолько, что отступил всего на несколько шагов назад. Он заметил Арду в самый последний момент, когда ее отбросило назад. Ослан схватил ее, но она ударилась о склон горы, отскочила вперед и перевалилась за край тропы. Нырнув на живот, Ослан протянул руку и поймал девушку за запястье, прежде чем она упала на камни вниз. Он начал тянуть ее вверх, медленно поднимаясь с края тропинки, как вдруг жгучая, огненная боль пронзила его живот. Дрожащий крик вырвался у Ослана, когда боль выдавила весь воздух из его легких. Он врезался спиной в камень, когда длинный коготь Мелюзины прижал его к земле, как насекомое. Он почувствовал горячее, прогорклое дыхание монстра на своей шее. Внезапно она вцепилась зубами в его плечо и шею.

Ослан стиснул зубы, его взгляд затуманился от слез, навернувшихся на глаза. Он взмахнул рукой по широкой дуге и отбросил Арду обратно на тропинку. Затем свободной рукой он протянул руку назад и схватил пригоршню короткой шерсти на голове Мелюзины. Он оторвал свою руку так сильно, как только мог, чувствуя, как плоть и мех отделяются от его руки.

Ехидна выпустила челюсти из его плоти и завизжала. Она быстро оторвалась от него и нырнула обратно в воздух. Ослан разжал челюсть и закричал, почувствовав, как жжение ее когтя покидает его живот. Его рука потянулась к арбалету. С напряженным стоном ведьмак поднялся на ноги, а Мелюзина кружила вокруг него. Он слабо поднял арбалет, но было уже поздно. Ехидна налетела на него и прижала его к склону горы. Он почувствовал, как ее когтистые руки впились в его плоть. Она оттащила его от стены. Сапоги Ослана на мгновение заскользили по земле, а затем беспомощно повисли в воздухе. Ослан увидел, как склон горы, тропа и Арда начали уменьшаться, пока Мелюзина неслась по воздуху.

Что бы эта сука ни планировала для него, этого не произойдет. Он знал это наверняка. Из небольших ножен на передней части плеча Ослан вытащил костяной кинжал с пилообразными зубьями. Снова и снова он наносил удары по любой плоти, до которой мог дотянуться. Большая часть его ударов оказалась бесполезной из-за жесткой кожи ехидны, хотя некоторым удалось пролить кровь. Краем глаза Ослан увидел, что они направляются в открытое море. Мелюзина пыталась отвести его к воде, где она могла бы его утопить.

Его рука взлетела и схватила ее. Он придвинулся к ней поближе и нанес еще один удар. Лезвие вонзилось в цель — тонкую, эластичную кожу ее крыла. Мелюзина протестующе завопила. Лезвие опустили вниз, проведя сквозь мембрану растущую дыру. Вскрикнув, ехидна наконец решила, что от этого ведьмака больше хлопот, чем пользы. Когда она отпустила его, напряжение ее когтей в его коже исчезло.

Ослан почувствовал, как его живот подскочил к горлу, когда он упал от призрачной фигуры. Его обмякшее тело переворачивалось снова и снова, и он мельком увидел ожидавший его скалистый берег. Он неправильно рассчитал время своего побега и теперь собирался за это поплатиться. За этот маленький кусочек бесконечности, прежде чем он упал на землю, он задавался вопросом, увидит ли он своих братьев снова.

Судьба была к нему благосклонна. Когда он наконец достиг земли, его тело было направлено вверх, как будто он стоял. Нижняя часть его правой ноги первой столкнулась с мокрыми камнями. Удар прошел по ноге, и основной удар приняла на себя бедренная кость. Затем остальная часть его тела рухнула. Он пролетел небольшое расстояние по неровному берегу и медленно остановился. Он смотрел вверх. Небо над ним было ясным. Никакой ехидны не

видно. Он не мог ее слышать, но это потому, что не слышал ничего, кроме глухого сердцебиения и затрудненного дыхания. Небольшие приливные лужи вокруг него быстро окрасились в красный цвет.

Его рука нащупала открытую рану на животе, куда его пронзила Мелюзина. Ему пришлось закрыть его. В противном случае это был бы конец ему.

Ослан усиленно подтянулся, стиснув зубы, когда боль в животе стала почти невыносимой. Приподнявшись, он посмотрел на рану. Рваные края его разорванной туники промокли и прилипли к коже. Когда он сделал еще один судорожный выдох, поток крови хлынул из раны и быстро растекся по уже потемневшей ткани.

Когда он повернул тело, чтобы дотянуться до края туники, новая боль пронзила его тело. Этот исходил из его правой ноги. Он не мог сдвинуть его с места. Ослан приподнялся выше и увидел грубый белый кончик сломанной кости, торчащий из его кривой ноги, прямо над коленом. Его дыхание стало более сбитым, поскольку крошечная часть его разума задавалась вопросом, как он собирается выжить в таком состоянии. Он не был.

Ослан выбросил эти мысли из головы, снова потянулся за подол и оторвал большой кусок ткани. Он сжал ткань в дрожащем кулаке. И тогда он заколебался, несмотря на то, что знал, что умирает. Из-за своего головокружения он утомлялся. Он боялся боли, которая, как он знал, вскоре последует. Но, сжав ткань в последний раз, он быстро приготовился и потянулся к ране.

Даже самое легкое прикосновение вызывало потоки боли, пронесившиеся по его телу. Резкими, трясущимися движениями Ослан начал засовывать ткань в открытую рану. Он не мог помешать проявлениям этой огненной, раскаленной боли вырваться из его губ, продолжая запихивать ткань в живот. Чернота, которая задержалась на краю его поля зрения, начала закрадываться, и его уши заполнил пронзительный вой. Едва он засунул последний кусок ткани в рану, как его сознание наконец потеряло сознание, и он безвольно рухнул на мокрые камни.

«Фарш и бык!» — воскликнул ведьмак-Медведь, вытирая пивную пену с губы. «Ты ни в коем случае не переживешь нечто подобное, если только ты не преувеличиваешь и не наговариваешь свою задницу!»

Ослан, сидевший по другую сторону стола, пристально посмотрел на ведьмака. «Я рассказываю так, как было!» он спорил. «Я ничего не придумывал!» Он огляделся вокруг, пытаясь заручиться поддержкой друзей. Там был только Андрик. «Куда забрел Ко?» Рыжеволосый мужчина пожал плечами.

— Говорю тебе, ты бы от этого не оправился, даже если бы выпил целую бочку ласточки!

«Я хвалю тебя за столь проницательное мышление в этот момент отчаяния. Немногим придет в голову залечивать собственную рану. Имей в виду, жизнь ведьмака держится не только на зельях», — раздался тихий голос Ундевара с того места, где он сидел на длинном стол. «Знание базовой помощи бесценно». Кончик носа Эгиды появился над столом рядом с гроссмейстером, а затем всплыло все ее искаженное лицо, когда она обнюхала его тарелку. Ундевар мягко толкнул ее вниз и продолжил: «И, несмотря на это, я сожалею, что даже некоторые из наших уважаемых мастеров ужасно разбираются в искусстве исцеления». Встревоженные лица обратились к нему. Ундевар встретился взглядом с одним мастером Галоном. «Это должно быть несколько сжатий, а не одно большое».

<http://tl.rulate.ru/book/100012/3414165>